

*П.А. Лапин**

**«Китайский плутовской устав», или секретная
инструкция китайским пограничным властям
о ведении торговых дел с Россией
(первая половина XVIII —
вторая половина XIX вв.)**

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена русско-китайской торговле п.п. XVIII — вт. пол. XIX вв., правилам и обычаям торговых пунктов, правам, обязанностям и умениям китайских купцов, ведших торговые дела с русскими.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русско-китайская торговля, Кяхта, документы.

В 1727 г. Российская империя и Цинское государство заключили Кяхтинский трактат, который на длительную перспективу (фактически до середины XIX в.) сформулировал основные принципы развития двусторонних отношений, включая торговые, в условиях слабых политических контактов ставшие в то время приоритетным направлением российской внешней политики на китайском направлении.

Не отменяя практику отправки из России в Пекин казённых караванов, Кяхтинский трактат заложил основу развития приграничной торговли. Условиями нового межгосударственного документа предполагалось «на границах ради <...> купечества взберётся удобное место <...> на Селенгинской Кяхте, где построятся дома и оградятся оградой. И кто-либо похощет итти на оное место купечества ради, да идёт токмо прямою дорогой» [16, с. 54]. Так, к 1728 г. в четырёх

* Лапин Павел Андреевич, к.и.н., второй секретарь Первого департамента Азии МИД России; E-mail: waijiao2000@mail.ru

верстах от пограничной Троицкой крепости была выстроена российская торговая слобода Кяхта [7, с. 13; 14, с. 150], напротив которой на китайской территории в том же году — китайский торговый город Маймайчэн [28, с. 84]. Для начала торговли всё было готово, и после приезда во второй половине 1728 г. на границу первых китайских купцов было объявлено, что «на Кяхте торг открыт» [2, с. 4; 17, с. 40].¹

Китайские власти старались получить максимальные выгоды от торговли с Россией, установив контроль над той незначительной частью своих торговцев, которым посчастливилось вести коммерческие дела на границе. Тотальное регулирование китайского предпринимательства на периферии являлось составной частью изоляционной экономической политики цинского двора, нацеленной на ограничение доступа иностранных компаний к внутреннему китайскому рынку. В 1757 г. в Пекине принимается решение закрыть все морские порты, через которые осуществлялась внешняя торговля (за исключением Кантона), и выдворить из Китая все торговавшие там иностранные компании [15, с. 210]². Последний российский караван был отправлен в Пекин в 1758 г., после чего казённая и частная караванная торговля в китайской столице была закрыта [21, с. 149]. Защитив внутренний рынок от иностранного присутствия, Цины «постарались сохранить преобладание и в пограничных торгах, в частности с Россией» [15, с. 211].

¹ Основными статьями российского экспорта в Китай были меха, кожа, сукно, железо, а из Китая в Россию везли шёлк, бархат, сахар, табак, фарфор, краску, предметы мебели, лекарственные растения и самое главное — чай [18, с. 9; 26, с. 207–208; 29, цз. 37, с. 626; 30, с. 114]. В кяхтинскую торговлю были вовлечены видные торговые дома Петербурга, Москвы, Тулы, Казани, Тюмени, Иркутска — всего более чем из 20 городов России [4, с. 18]. О её коммерческом потенциале было известно в Лондоне, Париже, Стокгольме; Кяхта имела торговые связи с США [7, с. 20]. Одним словом, этот рынок был весьма перспективным и сулил немалые прибыли, поэтому, по указаниям иностранцев, российские купцы «славятся богатством, и миллионеры там не редкость» [10, с. 71].

² Стоит сказать, что принятый в 1757 г. указ стал своего рода итогом длительной работы местного консервативного чиновничества, нацеленного на ограничения всех контактов Цинской империи, включая торгово-экономические, с внешним миром. Ещё задолго до этого, в 1737 г., пристав Русского подворья в Пекине, где располагалась Российская духовная миссия, маньчжур Хэцин предложил закрыть для российских купцов пекинский торг и сосредоточить всю коммерческую деятельность с Россией в приграничной Кяхте. И это при том, что российские изделия пользовались во внутренних пределах Китая большим спросом, а некоторые из них закупались для нужд цинского двора [29, цз. 37, с. 620].

Палата по делам вассальных территорий, в частности, курировавшая в цинской администрации российско-китайские контакты, составила секретную инструкцию пограничным властям по ведению коммерческих дел с россиянами в Кяхте. Это был глубоко продуманный, экономически обоснованный и тактически выверенный стратегический документ, сориентированный на далёкую перспективу. За свою тенденциозность в отношении российских купцов и всей приграничной торговли эта инструкция среди россиян справедливо получила название «китайский плутовской устав» [6, с. 79–83] (перевод текста «устава», выполненный неизвестным исследователем в середине XIX в., приведён в приложении к данной работе).

В соответствии с документом деятельность всех китайских торговых домов (а их было немало³), занимавшихся коммерцией на этом участке границы, объединялась под единым началом во главе с чиновником-администратором (*дзаргучей*). Всем купцам вменялось в обязанность тщательно выведывать у россиян их потребности в китайских изделиях, цены на них в России, выяснять, когда и какие товары русские намерены доставить в Кяхту для торговли с китайцами. На основании полученной информации на ежедневных вечерних сходах с участием всех торговцев, *дзаргучей* принимал решения о том, как следует вести торговлю в дальнейшем [6, с. 80].

Получив информацию о коммерческих предпочтениях русских, китайские купцы могли регулировать товарные потоки в своих интересах. С учётом того, что в течение продолжительного времени в Кяхте и Маймайчэне практиковалась исключительно меновая торговля, добиться выгодных для себя условий её ведения было им в целом под силу. Китайские торговцы преднамеренно ограничивали поставки своих товаров в слободу, тем самым искусственно повышая на них спрос и их меновую стоимость, с одной стороны и, наоборот, путём «будто бы по секрету», рассеивая среди россиян слухи о наличии, якобы, большой потребности в их изделиях, вызывали неоправданно высокий по объёму подвоз их на границу — с другой [6, с. 80].

Обеспечение диспропорции объёма товара являлось лишь первым шагом по созданию наиболее благоприятных для китайцев условий коммерции. Действуя по инструкции, после доставки на границу значительных партий российской продукции, якобы, имевшей спрос в Китае, китайские купцы останавливали «вымен тех произведений»,

³ В 1775 г., например, количество постоянно работавших там фирм составляло 173 ед., а лишь в первые четыре месяца 1792 г. через калганский пост в Маймайчэн выехал 71 китайский торговец [24 (1), с. 55–61]. По данным Шаньхайгуаньского налогового управления, в 1844–1852 гг. только лишь чайных фирм из Шаньси в Маймайчэне насчитывалось 41 ед. [25 (2), с. 40].

объявляя россиянам, «что у нас (в Китае. — *П.Л.*) они вышли из употребления или что другие иностранцы привезли к нам внутрь (в Китай. — *П.Л.*) довольно подобных вещей» [6, с. 81]. Предполагалось, что в такой ситуации россияне начнут сдавать свои товары по заниженному обменному курсу и, наоборот, приобретать китайские по искусственно завышенному.

С целью более эффективного обмена коммерческой информацией китайским купцам предписывалось поддерживать с россиянами дружеские контакты и всяческим образом располагать их к себе: приглашать в гости, угощать, подносить подарки. Русские это ценили и всячески подмечали: «Здесь китайцы дружелюбны и благоприятны, — отмечал один из российских путешественников. — Для знакомых поставляют всякие конфеты и плоды на стол» [14, с. 178]. Но даже при дружеских контактах и совместных застольях маймайчэнцы старались как бы между прочим сообщить собеседникам, «будто бы предостерегая по дружбе, что в государстве нашем (Китае. — *П.Л.*) существует неурожай шёлка, чая» или что-либо другое «разумно выдуманное», с тем, чтобы подогреть спрос на свою продукцию в будущем [6, с. 81].

Обращает на себя внимание то, что зафиксированные в инструкции требования выходили за рамки исключительно торгово-экономической деятельности, но носили также и стратегический характер. В контактах с россиянами китайцы, в частности, должны были «узнавать не только об их коммерческих делах, но и о государственных», за что «будет награждён» [6, с. 81].

Возложение разведывательных функций на китайских купцов считалось, по всей видимости, оправданным: будучи на границе эти люди находились в постоянном контакте с россиянами, занимались совместными торговыми делами и участвовали в праздничных мероприятиях. Столь тесные рабочие и неформальные связи создавали благоприятные условия для получения секретной информации о «делах государственных». Желание китайских властей узнать больше о России было во многом оправданным, и укладывалось в общую стратегию развития двусторонних связей в восемнадцатом столетии — периода сближения двух государств, когда каждый стремился узнать больше о своём соседе с тем, чтобы более точно регулировать свою внешнюю политику на этом направлении. Именно поэтому дознавательская деятельность вменялась в обязанности и всех российских представителей, направлявшихся тогда в Китай⁴.

⁴ У россиян в этом вопросе имелось неоспоримое преимущество: в китайской столице с начала XVIII в. функционировала Российская духовная миссия, в течение продолжительного периода времени поставлявшая особо ценную и

Понимая принципиальное значение этой инструкции в деле обеспечения выгодных для китайского купечества и государства условий, пекинские администраторы предусмотрели весьма разнообразную систему наказаний за её нарушение. Вообще, складывалось впечатление, что, давая купцам указы, столичные и местные начальники были не уверены в своих подданных и надлежащем исполнении ими всех предписаний. Именно этим, видимо, стоит объяснить тот факт, что большая часть инструкции была как раз посвящена описанию штрафных норм, следовавших за нарушение её положений (девять статей из семнадцати). Стоит отметить также и высокую степень жестокости назначавшихся наказаний: за разглашение содержания инструкции предполагались серьёзные телесные наказания и лишение права в дальнейшем вести торговую деятельность на границе, а за передачу россиянам какой-либо информации относительно всё тех же «дел государственных» предполагалась смертная казнь [8, с. 334].

Китайские купцы, действуя в соответствии с инструкцией, первоначально с лёгкостью вводили наших соотечественников в заблуждение, но совсем скоро россияне научились различать в их действиях подвох. В китайской слободе «торговые люди имеют из между себя выбранных начальников из лучших купцов, — ещё в 1802 г. (!) писал в Санкт-Петербург генерал-губернатор Иркутский и Колыванский Б.Б. Лещано, — которые составляют ежедневный совет, где с одобрения заргучей (*дзаргучей*, чиновник-администратор. — *П.Л.*) не только устанавливаются цены товарам, но и берутся меры к разным хитростям, как-то: в нетребовании нужных китайцам товаров и в изъятии иногда надобности в таких, кои им совсем не нужны, дабы таковыми единогласно рассеиваемыми слухами приводить российских купцов в замешательство и обращать баланс торговли в свою пользу, что им нередко и удавалось» [19, с. 60]. Видя явные преимущества организации китайской пограничной коммерции, российские

порой секретную информацию о Китае. Члены миссии, и прежде всего её ученики, овладев местными языками, с лёгкостью устанавливали надёжные контакты с местными жителями, включая чиновников, от которых в ходе рабочих и неформальных контактов и получали интересующую россиян информацию. «В разные времена, — писали, в частности, в своём Журнале секретных действий, намерений, случаев и перемен, бывших в тайцинском государстве с 1772 по 1782 года три российских ученика Агафонов, Бакшеев и Парышев, — имели мы как с маньчжурами, так и с китайцами дружеские обращения и <...> свидясь часто, как ласками, так и подарками, приобрели мы многих друзей, из которых некоторые весьма открыто дружили с нами и многие нам открывали тайнства, которые касаются особливо до государства» [1, с. 271].

власти постарались преобразовать работу своего купечества. Ещё в 1792 г. было принято решение объединить все фирмы, торговавшие в Кяхте, в пять крупных компаний, а для регулирования отдельных направлений торговли — издать соответствующие постановления (некоторые из этих правил ввиду своей актуальности просуществовали вплоть до середины XIX в.) [15, с. 213].

Однако не торговые требования и правила ведения дознавательской деятельности среди россиян составляли важность этого постановления китайских властей. В инструкцию было заложено положение, регламентировавшее язык приграничной торговли с Россией, благодаря которому в этом районе достаточно быстро сформировалось так называемое «кяхтинско-китайское наречие русского языка» или русско-китайский пиджин.

В соответствии с инструкцией приезжавшие для торговли на границу китайские купцы должны были владеть русским языком, но даже при этом им в течение года после приезда не разрешалось вести коммерческие дела с россиянами, чтобы «он не сделал никакой расстройки в общей связи» [6, с. 83].

Для преподавания русского языка китайским торговцам, отправлявшимся на границу, в Калгане (совр: г. Чжанцзякоу, пров. Хэбэй) была открыта специальная школа русского языка [3, с. 96; 5, с. 159]. Обучение в ней велось при помощи «словарей русских слов» — *Э-ло-сы фань юй* «по китайскому способу книгопечатания, вырезанных на крепком дереве» [20, с. 92; 22, с. 371]. Такие словари составлялись весьма оригинальным способом. В связи с тем, преподавание русской азбуки в школе не велось, и обучавшиеся с ней знакомы не были, перевод китайских слов на русский язык в этих словарях записывался с помощью тех же китайских иероглифов. При таком транскрибировании русских слов, естественно, возникало много искажений, «откуда и была положена первая неправильность произношения» [13, с. 58], с течением времени превратившая нормативный русский язык в «незаконнорожденную помесь твоего мудрёного языка (китайского языка. — П.Л.) с не менее замысловатыми и трудными словами из наречия твоих соседей (монголов. — П.Л.)» [9, с. 489].

Русско-китайский пиджин заимствовал некоторые слова и выражения из китайского и монгольского языков. Предложения на нём строились с учётом правил китайской грамматики, тогда как элементарные правила грамматики русского языка — падежи, склонения, распределение слов по родам и числам — не применялись. Пиджин как языковой инструмент был весьма слабым, а по своему лексико-грамматическому содержанию — бедным и простым: мог обслуживать лишь потребности приграничной торговли, да и то в

очень ограниченном объёме, другие же сферы международной деятельности обеспечить он уже не мог.

Сложности в общении с китайскими купцами, тем не менее, не подвигли россиян к сколько-нибудь серьёзному изучению китайского языка (и это при том, что с 1835 г. в Кяхте функционировало соответствующее училище) — они с трудом, но всё же старались понимать китайцев: «Разговор твой, когда прислушаешься и применишься к твоей картавой речи, становится немножко понятен, я и тому рад» [9, с. 489].

Сложившаяся ситуация способствовала укоренению неточностей, допускаемых китайцами в русском языке, в итоге превратив эту «незаконнорожденную помесь» в стабильную языковую систему со своими правилами, грамматикой, словарями. Простота пиджина обеспечила его быстрое распространение вдоль границы: совсем скоро он вышел за пределы собственно Кяхты и начал широко использоваться населением приграничных районов. Во второй половине XIX в. на нём говорили в Забайкалье, близ Айгуна–Благовещенска и в окрестностях Владивостока [12, с. 17; 23, с. 381].

В России о существовании секретной инструкции цинских властей узнали, по всей видимости, лишь во второй половине XIX в., когда её актуальность, видимо, была уже утрачена. Несмотря на это, интерес к этому документу со стороны отечественных исследователей и коммерсантов был настолько велик, что его перевод неоднократно публиковался в ведущих российских изданиях (см., например: [6, с. 79–83; 8, с. 331–335; 11, с. 225–226]).

Растиражированный перевод документа, к сожалению, не снабжён примечаниями с указаниями источника, откуда он был заимствован, отсутствует также его название на языке оригинала (хотя бы в транскрипции). Эти обстоятельства существенно осложняют поиск первоисточника и не дают возможность подтвердить верность изготовленного перевода. Не исключено, что первоисточник уже утрачен, о чём косвенно может свидетельствовать то обстоятельство, что китайские исследователи при упоминании этой инструкции пограничным властям ссылаются на её перевод, опубликованный в России в середине XIX в. (см., например: [24 (1), с. 45; 27, с. 88–90]).

Таков был «китайский плутовской устав». Сложно себе представить, что в какой-либо другой ситуации единожды созданный в целом не сложный документ на протяжении значительного периода времени (более века) мог бы определять торговые контакты двух империй. Система приграничной коммерции претерпевала изменения: меновая торговля вскоре себя изжила и успешно была заменена на товарно-денежную (1845), расширилась структура экспорта-импорта, а китай-

ское секретное наставление по-прежнему определяло действия китайских купцов при их контактах с россиянами.

Стабильность инструкции, надо думать, обеспечивалась тем, что носила она скорее не торгово-экономическое, но тактическое назначение. Благодаря ей была создана единая торгово-экономическая, правовая, логистическая и фискально-надзорная система на границе с Россией. И именно это обстоятельство сделало постановление универсальным, подходившим к разным эпохам и разным формам предпринимательства.

Важной заслугой созданной в Пекине инструкции стало определение языка приграничной коммерции. Благодаря этому в Кяхте сформировался русско-китайский пиджин, на котором общались китайские торговцы с их российскими партнёрами. Простота и незамысловатость «наречия» делали его лёгким для освоения, что повышало его популярность среди населения приграничья. Несмотря на имеющиеся недостатки, оно способствовало развитию контактов между подданными двух империй, укрепляло социальную основу региональной торговли, в то время стремительно набиравшую обороты.

Секретная инструкция, таким образом, стала важным документом цинских властей по развитию приграничных торговых контактов России и Китая в первой половине XVIII — второй половине XIX вв. Универсальность норм этого постановления позволяла сохранять его актуальность в течение продолжительного времени, а чёткость инструктивных указаний и жёсткость мер к их нарушителям сделали его основополагающим при формировании торговой стратегии в отношении российского купечества.

Приложение

Инструкция Лифаньюаня китайским пограничным властям по ведению торговой деятельности на российско-китайской границе в районе Кяхты и Маймайчэна⁵

1. Как правила коммерции основаны более на том, чтобы купец благовременно знал цену и требования тех товаров, которыми он производит, особенно в сношениях с иностранцами, то всякий из торгующих в Кяхте китайцев должен разведывать у россиян, какую имеют они надобность в наших товарах, в каких именно более, и почём эти товары у них внутри продаются; равномерно, какой и когда будет у них привоз своих товаров. Обо всём этом тщательно любопытствовать. Для истинного знания предмета должен каждый из торгующих

⁵ См.: [6, с. 79–83].

все собранные сведения открывать чистосердечно своим общественникам, и чтобы узнанное известно было всем, ежедневно по вечерам делать собрания: там, сообразив все полученные сведения, доставлять их со своим мнением на рассмотрение старшин. Старшина, составив общее заключение, имеет раздать всем купцам билеты, от каких из русских товаров воздерживаться в вымене, или какие из своих подкрепить, равно как поступать и в других случаях.

2. Общей привозной пропорции наших товаров в Кяхту не только не умножать сверх обыкновенного, но ещё стараться умаливать её время от времени, понижая вместе с тем цены на все русские товары, чтобы наши изделия всегда были у них в уважении. Через это и самый торг наш будет для них необходимо нужен, и государственные связи поставятся на лучшую степень. Посему и выпуску товаров от своих контор изнутри государства производить не иначе, как с общего всех совета, каждому по своему месту, сообразив сперва все обстоятельства и будущие виды по текущей торговле.

3. Чтобы побудить русских к привозу излишней пропорции нужных нам товаров, смотря по внутренним нашим обстоятельствам, а особливо если случится заметить их недостаток, то не только будто бы по секрету объявлять им, что такие-то товары нужны, но и показывать стремление к их покупке с передачей в цене против другого. Как подобная передача, сделанная для будущих выгодных видов может доставить убыток какому-нибудь из торгующих, то для этого иметь общую сумму, какая по обстоятельствам потребуется, и удовлетворять из ней понёсшего для общей пользы потерю.

4. Когда русские вследствие такого перехвата или, увлекаясь повышением цены, или только по словам наших купцов сделают привоз своих товаров больше обыкновенных пропорций или когда сами они, то тоже может случиться, по собственным своим выпискам привезут иногда излишнее, тогда все наши торгующие должны, остановив вымен тех произведений, объявлять россиянам, что у нас они вышли из употребления или что другие иностранцы привезли к нам внутрь довольно подобных вещей. Через это самый нужный для нас товар приведётся некоторым образом в неуважение и следовательно понизятся цены для общей государственной пользы.

5. Обходиться с россиянами учтиво, а не так, как было прежде: ходить к ним в компании и звать их к себе не запрещается, но за то поставляется в обязанность стараться узнавать не только об их коммерческих делах, но и о государственных. Узнавший и донёсший об их обществе и *дзаргучею* будет награжден как человек, отличившийся по торговле.

6. О торговых делах своих, производимых во внутренности государства, особенно об этом постановлении, да и о самых малых

предметах, подлежащих сокровению, отнюдь россиянам не извещать, потому что подобные извещения чрезвычайно вредны и могут способствовать к повышению цены на русские товары и к понижению на наши, а от этого и коммерция, и государство терпят убыток. А чтобы удовлетворить любопытству русских купцов и пользоваться взаимной их откровенностью, можно говорить им, будто бы предостерегая по дружбе, что в государстве нашем существует неурожай шёлка, чая, иногда бумаги, или есть привоз нужных товаров в Кантон от других иностранцев и тому подобное, разумно выдуманное, смотря по надобности. Для чего компанисты обще с *дзаргучеем* должны придумать нужные на любопытство ответы, и *дзаргучей* сообщит их не только каждому из торгующих, но и их служителям, имеющих вход к русским.

7. Жадности к покупке русских товаров не только не иметь, но и виду к тому не показывать, хотя бы даже настояла крайняя в чём нужда или себе предвиделись большие выгоды. Частная значительная выгода не должна меняться на общую: последняя непременно наградит всех и в особенности каждого, ведущего свой торг основательно, а первая приносит только вред общей пользе и сверх того разрушает порядок торговли с иностранцами, что уже дознано из многих прежних опытов.

8. Кто утаит в общем купцов собрании, при совете слышанное им от русских, а после о том откроется, того посадить под стражу на три дня.

9. Кто против билета *дзаргучея* сделает упущение, того садить под стражу на шесть дней, а после запретить ему торговать с россиянами полмесяца.

10. Если кто из наших привезёт излишнюю пропорцию товаров против определённого ему компаниею, то эти товары задержать до предыдущей его очереди и до того времени ни под каким видом не впускать их в Кяхту, чтобы тем не расстроить порядка всегдашней пропорции и средств к её умножению, как изображено выше.

11. Кто из наших учинит с русскими ссору, какого бы рода ни было, того, хотя бы он оказался по ходу дела и не виноватым, сажать под стражу на десять дней. Всякого рода претензии между купцами своей нации должны разбирать компанисты без малейшего шума и благопристойно, чтобы из малых неудовольствий не возродились иногда большие и государственные.

12. Кто откроет секреты торговых дел русским, как-то: о состоянии цен в нашем государстве, о требовании на их товары, о количестве своих чаёв, или чего другого, идущего в Кяхту, — того сажать под стражу за первый раз на шесть дней, и запретить торговать после того месяц, за второй — на двенадцать дней и запретить торговать

два месяца, за третий — как человека вредного для компании — лишать пребывания в Кяхте, поручив дела его избранным компанистам, покуда он не поставит на место своё другого правителя.

13. Кто откроет это постановление или секрет *дзаргучайского* билета, тому дать пятьдесят ударов палками и выгнать его из Кяхты, распорядившись его делами как сказано в пункте 12.

14. Кто откроет дела государственные, тому отсечь голову, поступив с делами его, как сказано в 12 пункте.

15. Кто окажет видом жадность к покупке товаров у русских, тому сделать при обществе выговор, и запретить вход к русским на три дня.

16. Кто окажет жадность делом, с передачей против общего положения, того оштрафовать против переданного количества вдесятеро в пользу общей суммы, а самому запретить торговать с русскими полмесяца за первый раз, за второй — месяц, а за третий — выгнать из Кяхты, поступив с делами, как сказано в 12 пункте.

17. Вновь приезжающему в Кяхту для производства торговли запрещается своим лицом торговать с русскими один год, хотя бы он и умел говорить на их языке, — для того, чтобы он не сделал никакой расстройки в общей связи.

Литература

1. *Адоратский Н.* История Пекинской Духовной миссии во второй период её деятельности (1745–1808). Вып. II. Казань, 1887.
2. *Бадиев А.А.* Кяхте 250 лет. Улан-Удэ, 1978.
3. *Беликов В.И.* Русские пиджины // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. Сборник статей. М., 1997.
4. *Единархова Н.Е.* Кяхта и кяхтинская торговля (40–60-е года XIX в.) // Взаимоотношения России со странами Востока в середине XIX — начале XX века. Сборник статей. Иркутск, 1982.
5. *Жиров А.А.* Купеческая слобода Кяхта и её обитатели (фрагменты истории повседневности) // Процессы урбанизации в центральной России и Сибири. Сборник статей. Барнаул, 2005.
6. *Китайский плутовской устав* // Библиотека для чтения. Т. IV, отделение VII (Смесь). СПб., 1854.
7. *Климов А.П.* Город Кяхта. Иркутск, 1978.
8. *Корсак А.* Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857.
9. *Максимов С.* На Востоке. Поездка на Амур. СПб., 1871.
10. *Мичи А.* Путешествие по Амуру и Восточной Сибири. М., 1868.
11. *Мушкин П.* Чай и чайная торговля (окончание) // Московские ведомости (литературный отдел). 1852, № 22 (19 февраля).
12. *Оглезнева Е.А.* Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск, 2007.
13. *Осокин Г.М.* На границе Монголии // Очерк и материалы к этнографии Юго-западного Забайкалья. СПб., 1906.

14. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3, половина первая (1772–1773 гг.). СПб., 1788.
15. *Попов Р.И.* Китайское купечество конца XVIII — первой половины XIX века глазами русских современников // 38-я научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2008.
16. Сборник договоров России с Китаем, 1689–1881 гг. СПб., 1889.
17. *Силин Е.П.* Кяхта в XVIII веке. Иркутск, 1947.
18. *Тугутов Р.Ф.* Прошлое и настоящее города Кяхты. Улан-Удэ, 1954.
19. *Успенский Д.* Из истории русских сношений с народами Востока (по архивным документам) // Русская мысль. Кн. IV. М., 1904.
20. *Флуг К.К.* Краткий обзор небуддийской части китайского рукописного фонда Института Востоковедения Академии Наук СССР // Библиография востока. Вып. 7 (1934). М., Л., 1935.
21. *Хохлов А.Н.* Китаист П.С. Попов и его первая лекция в Петербургском университете // 30-я научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2000.
22. *Черепанов С.И.* Кяхтинское китайское наречие русского языка // Известия императорской академии наук (по отделению русского языка и словесности). Т. II. Л. 21–24. СПб., 1853.
23. Энциклопедический словарь / Составители: *Ф.А. Брокгауз* и *И.А. Ефрон*. Т. 35. СПб., 1896.
24. *Лай Хуэйминь* (1). Цин чжэнфу дуй цякэту шанжэнь дэ гуаньли, 1755–1799 (Система управления цинским правительством кяхтинскими купцами, 1755–1799) // Нэймэнгу шифань дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань). 2012, № 1.
25. *Лай Хуэйминь* (2). Шаньси чан ши цзай цякэту дэ чае маои (Чайная торговля в Кяхте шансийского рода Чан) // Шисюэ цзикань. 2012, № 6.
26. *Лю Сюаньминь.* Чжунгэ цзаоци маои као (Разыскания о китайско-русской торговле в ранний период) // Яньцзин сюэбао. 1939, № 25.
27. *Ми Чжэньбо.* Циндай чжунгэ цякэту бяньцзин маои (Китайско-русская кяхтинская пограничная торговля во время династии Цин). Тяньцзинь, 2003.
28. *Мэн Сяньчжан.* Чжунсу цзинци маои ши (История торгово-экономических [связей] между Китаем и Советским Союзом). Харбин, 1992.
29. *Хэ Цютао.* Шофан бэйшэн (Готовьте колесницы в страну полуночную) / В сборнике: Сюйсю сыку цюаньшу. Шанхай, 2002.
30. Чжунго цзиньдай маои ши цзыляо, 1840–1895 (Материалы по истории внешней торговли Китая в новое время, 1840–1895). Т. I. Пекин, 1962.

*P.A. Lapin**

“Chinese cheater’s charter”, or a secret instruction to Chinese border authorities about commercial relations with Russia (first half of XVIIIth — second half of XIXth centuries)

ABSTRACTS: The paper focuses on the Russian-Chinese commerce from the first half of XVIIIth to the second half of XIXth Centuries, rules

and customs of trading posts, rights, duties and skills of Chinese merchants who worked with Russians.

KEYWORDS: Russian-Chinese commerce, Kyakhta.

* Lapin Pavel Andreevich, PhD in History, First Asia Department, Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia; E-mail: waijiao2000@mail.ru